

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

Матвейчев О.А. Цена прогресса. К вопросу о пользе письменности // Антиномии. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 7-19.
https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_3_7

УДК 1(091)

DOI 10.17506/26867206_2023_23_3_7

Цена прогресса. К вопросу о пользе письменности

Олег Анатольевич Матвейчев

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
г. Москва, Россия
E-mail: matveyol@yandex.ru

*Поступила в редакцию 11.04.2023, поступила после рецензирования 17.05.2023,
принята к публикации 10.07.2023*

В статье анализируется эпизод диалога Платона «Федр» о вреде письменности для когнитивных способностей человека. Опираясь на ряд античных источников, автор показывает, что греки классического и более ранних периодов отдавали приоритет устному слову перед письменным, в первую очередь в сфере судопроизводства, где письменное свидетельство не считалось самодостаточным, могло быть легко оспорено в суде противоположной стороной и выполняло лишь вспомогательную функцию. Также в статье разоблачается миф об исключительной роли письменности в становлении и развитии древних цивилизаций в целом и Древней Греции в частности. Подчеркивается, что даже после обретения письменности многие культуры относились к ней настороженно, усматривая опасность деградации. Считалось, что человек, доверивший информацию бумаге, пергаменту или глиняным табличкам, перестает развивать память и пользоваться мозгом как средством сохранения

© Матвейчев О.А., 2023

информации. Кроме того, важная и секретная информация, размещенная на том или ином материальном носителе, подвергается опасности быть похищенной, прочитанной врагами или недоброжелателями, уничтоженной при пожарах, стихийных бедствиях и т.д. Автор статьи отмечает, что «оральная культура», бывшая достоянием не только греков, но и всех индоевропейских народов, нигде не исчезла, зафиксировавшись в области наиважнейшего – при принятии секретных политических решений, в военной сфере и т.д. Выдвигается гипотеза, что следствием введения письменности могла стать в свое время катастрофа «Темных веков», на три столетия погрузившая Грецию и другие страны Средиземноморья во тьму невежества и варварства. Утратив способность запоминать длинные тексты и доверив важнейшую информацию «внешним носителям», люди бронзового века могли легко потерять ее по ряду причин. Цена прогресса оказалась для народов микенской эпохи чрезвычайно высокой. Напоминая о последствиях произошедшего коллапса, автор статьи призывает более внимательно относиться к аргументам современных противников цифровизации.

Ключевые слова: история философии, устные цивилизации, Древняя Греция, Платон, «Федр», письменность, память, цифровизация

The Price of Progress. To the Question of the Benefits of Writing

Oleg A. Matveychev

Financial University under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russia
E-mail: matveyol@yandex.ru

Received 11.04.2023, revised 17.05.2023, accepted 10.07.2023

Abstract. The article analyzes an episode of the Plato's dialogue Phaedrus about the harm of writing to human cognitive abilities. Relying on a number of ancient sources, the author shows that the Greeks of the classical and earlier periods gave priority to the oral word over the written one, primarily in the field of legal proceedings, where written evidence was not considered self-sufficient, could easily be challenged in court by the opposing party and performed only an auxiliary function. The article also exposes the myth about the exclusive role of writing in the formation and development of ancient civilizations in general and Ancient Greece in particular. It is emphasized that even after the acquisition of writing, many cultures were wary of it, seeing the danger of degradation. It was believed that a person who entrusted information to paper, parchment, or clay tablets ceased to develop memory and to use the brain as a means of storing information. In addition, important and secret information placed on a particular material carrier is in danger of being stolen, read by enemies or ill-wishers, destroyed in a fire, natural disasters, etc. The author of the article notes that the "oral culture", which was the property not only of the Greeks but also all Indo-European peoples, has not disappeared, remaining in the field of the most important information – when making secret political decisions, in the military sphere, etc. The hypothesis is put forward that the catastrophe of the Dark Ages, which plunged Greece and other Mediterranean countries into the darkness of ignorance and barbarism for three centuries, could have been a consequence of the

introduction of writing. Having lost the ability to memorize long texts and entrusting the most important information to “external carriers”, people of the Bronze Age could easily lose it for a number of reasons. The price of progress turned out to be extremely high for the peoples of the Mycenaean era. Recalling the consequences of that collapse, the author of the article calls for more careful consideration of the arguments deployed by modern opponents of digitalization.

Keywords: history of philosophy, oral civilizations, Ancient Greece, Plato, Phaedrus, writing, memory, digitalization

For citation: Matveychev O.A. The Price of Progress. To the Question of the Benefits of Writing, *Antinomies*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 7-19. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_3_7

Греки против письма

Беседуя с любознательным Федром в одноименном диалоге, платоновский Сократ пересказывает ему древнюю легенду о создании письменности египетским богом Тевтом (Тотом). Свое изобретение Тевт продемонстрировал царю Тамусу, заявив, что новая наука «сделает египтян более мудрыми и памятьливыми, так как найдено средство для памяти и мудрости». Вердикт царя был строг: «Искуснейший Тевт, один способен породить предметы искусства, а другой – судить, какая в них доля вреда или выгоды для тех, кто будет ими пользоваться. Вот и сейчас ты, отец письмомен, из любви к ним придал им прямо противоположное значение. В души научившихся им они вселят забывчивость, так как будет лишена упражнения память: припоминать станут извне, доверяясь письму, по сторонним знакам, а не изнутри, сами собою. Стало быть, ты нашел средство не для памяти, а для припоминания. Ты даешь ученикам мнимую, а не истинную мудрость. Они у тебя будут многое знать понаслышке, без обучения, и будут казаться многознающими, оставаясь в большинстве невеждами, людьми трудными для общения; они станут мнимомудрыми вместо мудрых» (274c-275b) (Платон 1993: 186). Другими словами, образование, полученное из книг, легковесно, ему сложно удержаться в памяти человека; чтобы стать мудрым, нужно пройти длинный, управляемый учителем путь поиска истины.

Недостатки письменной речи в сравнении с устной Платон раскрывает также в VII письме (341c-e), заочно полемизируя с Дионисием, плагиатором и самозванцем от философии, решившим, что истина о метафизике не может быть выражена в письменной форме. «Лишь с огромным трудом, путем взаимной проверки – имени определением, видимых образов – ощущениями, да к тому же, если это совершается в форме доброжелательного исследования, с помощью беззлых вопросов и ответов, может просиять разум и родиться понимание каждого предмета в той степени, в какой это доступно для человека. Поэтому ни один серьезный человек никогда не станет писать относительно серьезных вещей и не выпустит это в свет на зависть невеждам» (344b-c). Вот и тот же Дионисий, будь он мудрым, вряд ли стал бы записывать услышанное о первопричинах природы, в том числе

ради памяти, «ведь нечего бояться, как бы он этого не забыл, раз уж он воспринял это в свою душу» (344d-e) (Платон 1994: 496)¹.

Вызубрить «правильные слова», не понимая их смысла, можно и на слух, но без письменных подсказок они будут «выветриваться» из головы. Не забывается только то, что воспринято в душу с пониманием. Впрочем, здесь еще можно поспорить: частое повторение одних и тех же мантр помогает их не забыть, но не требует понимания смысла. Поэтому главный вред письменности в общем-то не в этом.

Сократ поясняет Федру мысль Тамуса, сравнивая письменность с живописью, способной лишь демонстрировать нечто, каждый раз одинаково, но не доказывать. Так и писанные тексты всегда говорят одно и то же, причем и людям понимающим, и неучам, то есть не выбирая себе читателя. Толковый же земледелец не станет сажать все свое семенное зерно в плошку, где выращивают за восемь дней ростки для праздника Адониса. Он посадит туда лишь часть, достаточную, чтобы воздать дань богу весеннего расцвета, прочее засеет в поле, более подходящее для сельскохозяйственных нужд, и станет терпеливо ждать урожая, который созреет нескоро, лишь через восемь месяцев. Схожим образом поступает и мудрец, знакомый с диалектикой. «Взяв подходящую душу, такой человек со знанием дела насаждает и сеет в ней речи, способные помочь и самим себе и сеятелю, ибо они не бесплодны, в них есть семя, которое родит новые речи в душах других людей, способные сделать это семя навеки бессмертным, а его обладателя счастливым настолько, насколько может быть человек» (275d-277a) (Платон 1993: 188).

Таким образом, письмо не видит «целевой аудитории» и обращается ко всем подряд, что опасно. Христос эту мысль выразил предельно четко: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас» (Мф. 7:6). Эту истину, конечно, знали и до Христа. Недаром все древние учения имели эзотерическую и экзотерическую части, первая из которых передавалась устно. Эти правила выстраданы. Человечество имело достаточно способов убедиться, что полуобразованные субъекты, находясь, в соответствии с эффектом Даннинга-Крюгера, на пике уверенности в себе, разрушали и общество, и культуру, которые их породили, но которые они не успели до конца осмыслить.

Обращение Платона к египетской традиции было неслучайным. Во-первых, указание на египетское, а стало быть, древнее происхождение мысли о сущности письменности придавало ей дополнительную основательность. Во-вторых, сюжет о Тевте и Тамусе имел внутренний конфликт. Прометей, также почитавшейся в Греции как изобретатель письма, для такой роли не годился – в легенде у него нет оппонента, готового раскритиковать

¹ В этом тезисе нередко видят прямое доказательство существования у Платона некоего тайного, эзотерического, неписаного учения, доступного лишь посвященным. Концепция неписаного учения Платона была выдвинута В. Теннеманом в конце XVIII в. и через полтора столетия развита с новых позиций Г. Кремером и К. Гайзером, положившим начало так называемой тюрингенской революции в платоноведении.

его нововведение. К слову, Прометей, несмотря на множество легенд о нем, никогда не почитался греками наравне с богами и героями. Ему не посвящали храмы и даже не ставили памятники (Мештерхази 1977: 22). Лишнее свидетельство, насколько греки ценили письмо. Кстати, Гесиод умалчивает о функции Прометея как культурного героя, давшего грекам азбуку, представляя титана лишь как похитителя огня. Роль Прометея как изобретателя письменности появилась лишь у Эсхила, устами своего героя также перевозившего ее как средство сохранения информации и усиления возможностей памяти: «Я для людей измыслил и сложенье букв, Мать всех искусств, основу всякой памяти» (Aesch. Prom. 460-461) (Эсхил 1971: 188).

Между тем отношение к письму как безусловному благу отнюдь не было превалирующим трендом. А.А. Глухов, ссылаясь на американского историка древнегреческого права М. Гагарина, утверждает: «...приоритет устного слова перед письменным отличается панэллинской повсеместностью: греки ставили устное слово, молву и память, выше письменного» (Глухов 2014: 141). Прежде всего, это касалось судопроизводства. Сами законы, введенные Ликургом, именовались *ῥήτραι* – «говоримые», «устные»; их было запрещено записывать.

Письменное свидетельство не считалось самодостаточным – оно легко могло быть оспорено в суде противоборствующей стороной, не имея возможности себя защитить. Это положение коррелирует с мыслью из «Федра», что всякое записанное сочинение, если на него нападают критики, «нуждается в помощи своего отца, само же не способно ни защититься, ни помочь себе» (275e) (Платон 1993: 187). Слова разных людей имеют разный вес. Поучение из уст героя или старца воспринимается как подтвержденное его жизнью, из уст людей с подмоченной репутацией – как лицемерие. Сведения из «хорошо информированного источника» воспринимаются с доверием, иначе, чем слухи между женщинами на базаре. По письменному источнику мы не можем понять, кто стоит за ним, кто за него ручается.

Сами законы, зафиксированные на материальном носителе, по словам Демосфена, неспособны прийти на помощь молящему о ней, «ведь это написанные тексты, и они сами по себе не могут ничего сделать» (Demosth. XXI 224) (Демосфен 1994: 130). Мощь законов состоит в их неукоснительном выполнении, стало быть, они сами нуждаются в защите, как и те, кого они защищают, а «ущерб, нанесенный законам, следует считать ущербом для всего общества. Ничто не должно спасать от наказания нарушителя законов – ни исполнение литургии, ни жалость, ни кто-либо из людей, никакие уловки или что бы то ни было вообще» (Demosth. XXI 225) (Демосфен 1994: 130-131).

На то, что писанный текст не имеет такой силы, как народная память, указывает оппонент Демосфена оратор Эсхин в своей речи против Ктесифонта, внесшего в народное собрание предложение наградить Демосфена за его патриотическую деятельность золотым венком и принять соответствующий документ. Эсхин перечисляет имена Фемистокла, Мильтиада, Аристида и предлагает Демосфену показать хотя бы один указ о награждении этих великих мужей венками. «Нет? Неужели народ так неблагодарен?

Напротив, народ наш высокодушен, и мужи эти вполне его достойны: они полагали, что слава – не в писаных постановлениях, а в памяти благоделительствованных, и память эта остается жива с тех давних пор и до нынешнего дня» (Aeschin. Ctesiph. 181-182) (Эсхин 1985: 196).

Мы видим, что в древнегреческой традиции письменность воспринималась не как безусловное благо цивилизации, а, скорее, как некие «костили», имеющие несамостоятельную, вспомогательную функцию. Категоричное *verba volant, scripta manent* («слова улетают, написанное остается»), аналог русского «что написано пером, не вырубишь и топором») будет характеризовать уже другую культуру, с ее особым отношением к писаному праву.

Надо сказать, что весь индоевропейский мир не доверял самое важное письму, даже когда оно было широко распространено, то есть был устным миром, не из-за недоразвитости, а в силу принципиального неприятия письма. Новгородские берестяные грамоты содержат все что угодно, деловую и любовную переписку, но только не священные тексты. Аналогичная ситуация с хеттскими и вавилонскими табличками: это хозяйственные отчеты, бухгалтерские книги и военные депеши. Индийские Веды были записаны спустя тысячелетия после того, как передавались из уст в уста. В Иране при угрозе исчезновения жрецы, также жившие в устной традиции, были вынуждены придумать авестийский язык, чтобы записать Авесту.

В этой связи обратим внимание на распространенное мнение об исключительной роли письменности в становлении и развитии древних цивилизаций в целом и Древней Греции в частности. Согласно этому представлению, дописьменные народы были примитивными. Изобретение же письменности стало прогрессом. Между тем очевидно, что, даже обретя письменность, многие культуры (и греческая не является исключением) относились к ней настороженно, усматривая опасность деградации, ухудшения когнитивных способностей. Человек, доверивший информацию бумаге, пергаменту или глиняным табличкам, перестает пользоваться своим мозгом как средством сохранения информации. Как класс пропадают люди, которые могли удерживать в голове громадные тексты типа «Илиады», «Одиссеи» и других эпических произведений, хранящих родовую память. Да и простые люди нередко довольствуются лишь кратким содержанием поэм, на полное прослушивание которых уходило до пары десятков часов. Вот как, например, пересказывает гомеровскую «Одиссею», состоящую из более чем 12 тыс. строф, Аристотель: «Содержание “Одиссеи” необширно: некоторый человек много лет [странствует] на чужбине, его подстерегает Посидон, он одинок, а дома у него получается так, что женихи расточают его добро и злоумышляют против его сына; и вот он возвращается, выйдя из бури, открывается некоторым, нападает на врагов и сам спасен, а их истребляет. Вот, собственно, [содержание “Одиссеи”], а все прочее – вставки» (Poet. 1455b) (Аристотель 1983: 664-665).

Введение письменности как коммуникационной технологии изменило сам облик культуры, задав новый способ кодификации реальности. По мнению М. Маклюэна, каждая революция в области средств коммуникации ведет к смене господствующего поставщика информации и интенсифи-

цирует деятельность определенного органа чувств человека. Племенные сообщества основывались на устном слове и являлись миром слуха с непосредственной сопричастностью каждого всему происходящему. С появлением фонетического алфавита знание и опыт стали передаваться письменно-визуальным способом. «Грамотность вытолкнула человека из племени, заменила целостное племенное общество визуальными линейными ценностями, сформировала раздробленное сознание. С появлением письменности родилась индивидуально ответственная личность, способная противопоставить себя обществу» (Беляков 1998: 6). Недаром «либерал» и «книга» в латинском языке восходят к одному корню.

Введение письменности меняет человека даже физически. Профессор С.В. Савельев указывает, что по мере «совершенствования» социальных институтов мозг человека начал уменьшаться в объеме, утратив к настоящему времени уже около 16% от размера «доцивилизационного» периода (Савельев 2016: 114).

Хранение важной и секретной информации на том или ином материальном источнике несет, ко всему прочему, опасность быть похищенной и прочитанной врагами или недоброжелателями. В балладе Р. Стивенсона «Вересковый мед» тайна священного напитка пиктов не напрасно передавалась устно. Доверить ее какой-нибудь бересте означало подвергнуть ее риску стать достоянием беспощадных скоттов. Буквально за один миг то или иное племя могло лишиться всей своей истории, если бы хранило ее в материальном архиве – достаточно было одного набега врагов.

Огромной трагедией для целых народов становились пожары в библиотеках, стихийные или устроенные безжалостными захватчиками. Баяны, аэды, ашуги были не только сказителями, развлекающими людей на коллективных мероприятиях, но и народными учителями, хранителями истории рода и культуры многих поколений. В метафорической форме роль таких «людей-библиотек» продемонстрировал американский фантаст Р. Брэдбери в романе «451 градус по Фаренгейту», где задачу сохранения запрещенных книг для потомков в условиях тоталитарного книгоборческого режима выполняли отдельные энтузиасты, выучившие наизусть классические литературные произведения.

Возможности человеческой памяти

Иногда можно услышать сомнения в способности человека помнить наизусть произведения длиной в тысячи строф. Не раз высказывались подозрения в искажении изначальных текстов «Одиссеи» и «Илиады» из-за вольного обращения с ними забывчивых рассказчиков, каждый раз приносящих что-то от себя. Между тем выучить поэму в 12–15 тыс. строк даже сегодня под силу многим актерам, профессионально развивающим свою память. Гарвардский филолог М. Пэрри в начале 1930-х гг. записал в Югославии поэму боснийца Авдо Меджедовича «Женитьба Смаилагича Мехо» длиной более 12 тыс. строк, то есть равной по объему «Одиссее» (Лорд 1994: 94). Якутские олонхосуты декламируют на память поэмы длиной по

10–20 тыс. строк; героический эпос олонхо столетиями передается из поколения в поколение практически в неизменном виде. Самый известный из якутских олонхо «Нюргун Боотур Стремительный», записанный в 1895 г., состоит из 36 тыс. строк (Оросин 1947). Индийские брахманы веками хранили в памяти ведийские гимны, значительно превосходящие размером «Илиаду» и «Одиссею», вместе взятые.

Знание гомеровских поэм наизусть не считалось чем-то исключительным и в сократовские времена. Ксенофонт рассказывает, что на пиру у Сократа один из гостей, Никерат, признается, что больше всего гордится тем, что знает наизусть все гомеровские поэмы: «Отец мой, – сказал Никерат, – заботясь о том, чтоб из меня вышел хороший человек, заставил меня выучить все сочинения Гомера, и теперь я мог бы сказать наизусть всю “Илиаду” и “Одиссею”» (Xen. Symp. III 5) (Ксенофонт 1993: 169). Спустя 500 лет Дион Хрисостом обнаружил знатоков произведений Гомера даже в Борисфене, отдаленной греческой колонии в устье Днепра: «И хотя сами они говорят по-гречески не совсем правильно, поскольку они живут среди варваров, но “Илиаду” почти все знают наизусть» (Dio Chr. XXXVI 9) (Дион 1960: 94).

Память – один из самых совершенных механизмов человеческого мозга. Ни одна машина, даже самая мощная, не может с ней сравниться, ведь, кроме фактов и формул, в нужную минуту она передает нам и зрительные образы, и запахи, и звуки, и эмоции. О природе памяти люди начали задумываться очень давно, древние представляли ее как своеобразные отпечатки предметов на мягкой материи мозга. В эпоху господства механистических идей процесс запоминания представлялся как наполнение пустотелых трубок, коими представлялась нервная система человека, идеями и образами предметов. Современные ученые рассматривают память как процесс установления связей между воспринимаемым образом и нервными клетками, расположенными в разных отделах и уровнях мозга. Этот механизм и дает возможность сохранять информацию о любом раздражителе после того, как он перестал действовать.

Известный кибернетик Дж. фон Нейман рассчитал, что человеческий мозг потенциально может вместить всю информацию, содержащуюся в миллионах томов крупнейших библиотек мира. История сохранила имена людей, наделенных феноменальной памятью. Так, Юлий Цезарь и Александр Македонский знали по имени и в лицо всех своих солдат – до 30 тыс. человек. Сенека мог повторить 2 тыс. слов, услышанных один раз и не связанных между собой. Математик Л. Эйлер помнил шесть первых степеней всех чисел до ста. Академик А.Ф. Иоффе по памяти пользовался таблицей логарифмов, а шахматист А.А. Алехин был способен играть вслепую с 40 партнерами.

Изучая примеры столь удивительных способностей, психологи пришли к заключению, что плодотворная работа памяти напрямую зависит от эффективно организованного процесса запоминания. Этот вывод современных ученых интуитивно был постигнут много веков назад. Система запоминания – мнемоническая техника – основана на установлении и последующем поиске связей. Ее открытие Цицерон приписывал поэту Симониду Кеосскому, жившему в VI–V вв. до н.э. и в силу жизненных обстоятельств об-

наружившему однажды, что для ясности памяти важнее всего распорядок. «Поэтому тем, кто развивает свои способности в этом направлении, следует держать в уме картину каких-нибудь мест и по этим местам располагать воображаемые образы запоминаемых предметов. Таким образом, порядок сохранит порядок предметов, а образ предметов означит самые предметы, и мы будем пользоваться местами, как воском, а изображениями, как надписями» (Cic. de orat. 354) (Цицерон 1994: 311).

Однако наибольшее распространение мнемотехника получила в эпоху Возрождения. Способность упорядоченно располагать в мыслях все, что следует запомнить, нашла выражение в «театрах памяти»: у основания символических скульптур располагались подлежащие запоминанию объекты. Со временем они становились все сложнее, появлялись ярусы, проходы, классические статуи, олицетворяющие пороки, добродетели и другие ключевые понятия. Это упражнение было так популярно, что каждый властитель или просто богатый человек считал своим долгом иметь подобный театр у себя дома. Дж. Бруно использовал принцип «театра памяти» как средство классификации небесных тел, а для Данте Алигьери он стал источником систематического описания кругов ада и рая в «Божественной комедии».

Таким образом, в возможностях памяти (по крайней мере, потенциальных) сомневаться не приходится. Другое дело, что человечество все отчетливее проявляет лень, возлагая надежды на технические средства буквально во всех сферах деятельности. Наступившую эпоху торжества машин и технологий, грозящих поработить сущность человека комфортом, описывает М. Хайдеггер в многочисленных работах. Философ призывает пользоваться техническими приспособлениями, «оставаясь при этом свободными от них, так что мы сможем отказаться от них в любой момент». Только так мы не позволим технике закабалить нас, опустошить нашу сущность. Это отношение «одновременно “да” и “нет” миру техники» он называет отрешенностью от вещей (Хайдеггер 1991: 109-110).

Лень мысли и развращенность комфортом мы привыкли приписывать нашей молодежи, неспособной решить без калькулятора, обыкновенным умножением в столбик простейший пример. Еще тридцать лет назад средний школьник умножал в уме как минимум двузначные числа, сегодня даже студент вуза не станет делать это без технических средств. Но не была ли и письменность чем-то столь же вредным для мудрецов, волхвов, интеллектуальной элиты времен ее изобретения? Возможно, они обвиняли ее в примитивизации мышления, так же как сегодня некоторые проклинают цифровизацию, которая явно не выполняет задач, поставленных перед ней футурологами, и не растит поколение технологических гениев. Напротив, мы наблюдаем генерацию молодежи, страдающей от интернет-зависимости, не умеющей стратегически мыслить, не способной устанавливать более или менее сложные причинно-следственные связи в силу клипового мышления. Упрощающая жизнь на бытовом уровне цифровизация порождает опасность и в военной сфере. Полный переход на «цифру» делает вооружение бесполезным на поле боя в случае применения противником средств радиоэлектронного подавления. Именно поэтому военных

специалистов в России до сих пор обучают обращению с аналоговыми системами, вплоть до ламповых приемников.

В так называемом аналоговом режиме продолжает общаться как политическая, так и бизнес-элита. Не секрет, что важнейшие решения до сих пор принимаются в неформальном кругу, на личных встречах, «не для протокола». Современным обществом правят те, кто живет и по сей день в фоноцентричном мире. И если в целом государство очень сильно формализовано и бюрократизировано (каждый шаг санкционируется определенной бумагой), то судьбоносные события происходят за кадром, в безбумажной среде. «Мы многое из книжек узнаем, но истины передают изустно», – пел В.С. Высоцкий. Это, между прочим, свидетельствует, что «оральная культура», бывшая достоянием не только греков, но и всех индоевропейцев, никуда не делась, она только зафиксировалась в области наиважнейшего – при принятии секретнейших политических решений, в военной сфере (представить себе бюрократию с бумагами и отчетами на поле боя вряд ли возможно). Современная историческая наука, ориентированная на письменные источники и другие материальные артефакты, принципиально не достает области, где принимались важнейшие исторические решения. От устного слова ничего не остается, кроме самой истории. Вся современная историческая наука принципиально нестрога именно потому, что стремится к строгости и фактичности. Она принципиально поверхностна, так как ее достоянием никогда не станут тайные заговоры претендентов на власть, задушевные беседы фаворитов, важнейшие переговоры дипломатов; их содержание можно только предполагать.

Письменность и катастрофа бронзового века

В диалоге «Федр», возможно, содержится ключ к одной из величайших исторических загадок – причине катастрофы бронзового века. Этот социальный катаклизм охватил громадную территорию, включая, помимо Греции, весь Ближний Восток, Египет и Хеттское царство. В Греции «Темные века» продлились с конца XII по начало VIII в. до н.э.; они были отмечены падением городов, разрывом экономических контактов между регионами, полной утратой письменности (из-за краха дворцовой экономики отпала необходимость вести учет), возвращением большинства жителей к полукочевому и кочевому образу жизни.

Описанная картина имеет много общего с примерно тем же по времени периодом в истории Древнего Китая. Как показал синолог В.Е. Еремеев, с высокой долей вероятности можно вести речь о существовании в доконфуцианском Китае (XIII–VII вв. до н.э.) глубоко разработанного учения, охватывавшего широкий спектр знания, базировавшегося на триграммах и гексаграммах «Книги перемен» (Еремеев 2005: 515). После падения в 770 г. до н.э. Западного Чжоу и перенесения столицы на восток страны, тексты этого учения оказались утраченными, а литература последующих эпох начиная с VI–V вв. до н.э. сохранила лишь следы системы знаний, которую сейчас можно реконструировать с большим трудом. Очевидно, что причи-

ны попятного культурного движения схожи с теми, что действовали тогда же в Восточном Средиземноморье.

Крах микенской цивилизации часто объясняют внешними факторами – нашествием неких «народов моря». Ряд ученых указывают и другие возможные причины бронзового коллапса: междоусобные войны, многолетняя засуха, духовная деградация общества². Мы полагаем, что катастрофа «Темных веков» могла стать следствием введения письменности. Вся информация, вся память рода начинает храниться на внешних носителях, способность же запоминать длинные тексты теряется. Набеги «народов моря» и других недружественных племен вызывали пожары, уничтожившие архивы. Люди утрачивали и знания, и родовую память, и родословные. Воспроизвести потом всю предшествующую культуру оказалось невозможно. В Троянской войне, похоже, погибла вся элита, владеющая культурной информацией на уровне личной памяти. И грекам с нуля пришлось сочинять для себя новую историю. Существуют большие сомнения в том, что содержание поэм Гомера отражает историческую правду (Матвейчев, Беляков 2014).

Письменность в Греции возродилась лишь во второй половине VIII в. до н.э. на основе заимствованного из Финикии алфавита. Примерно тогда были записаны поэмы Гомера, не исключено, что по инициативе самого аэда. Не нуждаясь в записанном тексте как вспомогательном мнемоническом средстве, он не мог не оценить потенциал передовой гуманитарной технологии – алфавитного письма. Силу письменного слова он использовал на благо возрождающейся Греции, серьезно подкорректировав историю Троянской войны.

К временам Платона письменность стала рядовым, обыденным явлением. Вскоре к ней пропадет последнее недоверие, а отраженную в диалоге «Федр» полемику относительно вреда и пользы писанных текстов будут считать чем-то из разряда курьезов и мыслительных экспериментов.

Процессы, аналогичные греческим, похоже, произошли со всеми народами бронзового века, пережившими катастрофу «Темных веков». Письменность наступала. Носители устной культуры становились редкостью и вымирали, иногда в результате войн и набегов. В этих же набегегах погибали и письменные хранилища, которые никто уже не мог восстановить по памяти.

Противники цифровизации по всему миру не являются такими ретроградами, какими их хотят представить «сторонники прогресса». Представим, что мы перенесем все в «цифру», а наши дети будут получать образование, которое делает их неспособными считать в столбик, понимать причинно-следственные связи, смотреть фильмы больше трех минут и т.д. Что произойдет, если в результате какой-нибудь катастрофы цифровые носители «размагнитятся»? Человечество будет отброшено назад и не сможет даже понимать назначение тех артефактов, которыми пользовались

²Подробнее о возможных причинах катастрофы бронзового века см.: (Матвейчев, Беляков 2014: 119-121).

предшествующие поколения, не то что воссоздать их. Катастрофа будет, пожалуй, не менее тяжелой, чем «Темные века» на рубеже II–I тыс. до н.э.

Таким образом, не только современные авторы ведут дискуссии о цене прогресса. В древности ценность новых средств коммуникации также ставили под вопрос, оспаривая поверхностное убеждение, что письменность – безусловное благо. Более того, опасения противников письменности нашли подтверждение, реализовавшись в катастрофе «Темных веков». Настоящая статья призвана выдвинуть данную гипотезу; ее окончательное подтверждение – дело дальнейших исторических, археологических, лингвистических, антропологических исследований.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Андреев Ю.В. 2002. От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III – начало I тыс. до н.э.). Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин. 862 с.

Аристотель. 1983. Поэтика // Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 4. Москва : Мысль. С. 645-680.

Беляков А.В. 1998. Маклюэн Маршал // Культурология. XX век. Энциклопедия : в 2 т. Т. 2. Санкт-Петербург : Университетская книга : Алетей. С. 5-7.

Глухов А.А. 2014. Перехлест волны. Политическая логика Платона и постницшеанское преодоление платонизма. Москва : Издательский дом ВШЭ. 584 с.

Демосфен. 1994. Речь XXI. Против Мидия о пощечине // Демосфен. Речи : в 3 т. Т. 1. Москва : Памятники исторической мысли. С. 65-131.

Дион Хрисостом. 1960. Борисфенитская речь, произнесенная Дионом на его родине // Поздняя греческая проза / под ред. М.Е. Грабарь-Пассек. Москва : Государственное издательство художественной литературы. С. 92-97.

Еремеев В.Е. 2005. Символы и числа «Книги перемен». Москва : Ладомир. 600 с.

Ксенофонт. 1993. Пир // Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. Москва : Наука. С. 160-196.

Лорд А.Б. 1994. Сказитель. Москва : Восточная литература. 368 с.

Матвейчев О.А., Беляков А.В. 2014. Троянский конь западной истории. Санкт-Петербург : Питер. 224 с.

Мештерхази Л. 1977. Загадка Прометея. Москва : Прогресс. 442 с.

Оросин К.Г. 1947. Нюргун Боотур Стремительный. Якутск : Якгиз. 410 с.

Платон. 1993. Федр // Платон. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 2. Москва : Мысль. С. 135-191.

Платон. 1994. Письма // Платон. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 4. Москва : Мысль. С. 460-516.

Савельев С.В. 2016. Церебральный сортинг. Москва : ВЕДИ. 232 с.

Хайдеггер М. 1991. Отрешенность // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. Москва : Высшая школа. С. 102-111.

Цицерон. 1994. Об ораторе // Цицерон. Эстетика: Трактаты, Речи. Письма. Москва : Искусство. С. 162-372.

Эсхил. 1971. Прометей прикованный // Эсхил. Трагедии. Москва : Художественная литература. С. 169-211.

Эсхин. 1985. Против Ктесифонта о венке // Ораторы Греции / сост. М.Л. Гаспаров. Москва : Художественная литература. С. 161-210.

References

- Aeschines. Against Ctesiphon, *Gasparov M.L. (ed.) The Greek Orators*, Moscow, Hudozhestvennaya literatura, 1985, pp. 161-210. (In Russ.).
- Aeschylus. Prometheus Bound, *Aeschylus. Tragedies*, Moscow, Hudozhestvennaya literatura, 1971, pp. 169-211. (In Russ.).
- Andreev Yu.V. *From Eurasia to Europe. Crete and the Aegean World in the Bronze and Early Iron Ages (3rd – Early 1st Millennium BC)*, Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin, 2002, 862 p. (In Russ.).
- Aristotle. Poetics, *Aristotle. Collected works in 4 volumes. Vol. 4*, Moscow, Mysl', 1983, pp. 645-680. (In Russ.).
- Belyakov A.V. McLuhan M., *Cultural Studies. 20th Century. Encyclopedia in 2 volumes. Vol. 2*, Saint Petersburg, Universitetskaya kniga & Aletheia, 1998, pp. 5-7. (In Russ.).
- Cicero. On the Orator, *Cicero. Aesthetics: Treatises, Orations, Epistles*, Moscow, Iskusstvo, 1994, p. 162-372. (In Russ.).
- Demosthenes. Against Meidias (Oration 21), *Demosthenes. Orations in 3 volumes. Vol. 1*, Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli, 1994, pp. 65-131. (In Russ.).
- Dio Chrysostom. Borysthenitic Discourse, Which Dio Delivered in His Native Land, *Grabar-Passek M.E. (ed.) Later Greek Prose*, Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoy literatury, 1960, pp. 92-97. (In Russ.).
- Eremeev V.E. *Symbols and Numbers of the "Book of Changes"*, Moscow, Ladomir, 2005, 600 p. (In Russ.).
- Glukhov A.A. *Overlapping Waves. Political Logic of Plato and the Post-Nietzschean Overcoming of Platonism*, Moscow, Izdatel'skij dom VShE', 2014, 584 p. (In Russ.).
- Heidegger M. Detachment, *Heidegger M. Country Path Conversations*, Moscow, Vysshaya shkola, 1991, pp. 102-111. (In Russ.).
- Lord A.B. *The Singer of Tales*, Moscow, Vostochnaya literatura, 1994, 368 p. (In Russ.).
- Matveychev O.A., Belyakov A.V. *Trojan Horse of Western History*, Saint Petersburg, Piter, 2014, 224 p. (In Russ.).
- Mesterházi L. *The Mystery of Prometheus*, Moscow, Progress, 1977, 442 p. (In Russ.).
- Orosin K.G. *Nyurgun Bootur the Swift*, Yakutsk, Yakgiz, 1947, 410 p. (In Russ.).
- Plato. Epistles, *Plato. Collected works in 4 volumes. Vol. 4*, Moscow, Mysl', 1994, pp. 460-516. (In Russ.).
- Plato. Phaedrus, *Plato. Collected works in 4 volumes. Vol. 2*, Moscow, Mysl', 1993, pp. 135-191. (In Russ.).
- Savelyev S.V. *Cerebral Sorting*, Moscow, VEDI, 2016, 232 p. (In Russ.).
- Xenophon. The Symposium, *Xenophon. Memorabilia of Socrates*, Moscow, Nauka, 1993, pp. 160-196. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Олег Анатольевич Матвейчев

кандидат философских наук, профессор
департамента массовых коммуникаций и
медиабизнеса Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Россия;
ORCID: 0000-0003-4568-2650;
ResearcherID: G-3499-2016;
Scopus AuthorID: 57195838598;
SPIN-код: 4248-7216;
E-mail: matveyol@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg A. Matveychev

Candidate of Philosophy, Professor, Depart-
ment of Mass Communication and Media
Business, Financial University under the Gov-
ernment of the Russian Federation, Moscow,
Russia;
ORCID: 0000-0003-4568-2650;
ResearcherID: G-3499-2016;
Scopus AuthorID: 57195838598;
SPIN-code: 4248-7216;
E-mail: matveyol@yandex.ru